

Лестев А.Е.

Категории «сущность» и «явление» в философии школ японских боевых искусств

Аннотация: Предметом исследования является философия японских школ боевых искусств. В статье рассматриваются философские категории «сущность» и «явление», как наиболее подробно разработанные составляющие философской системы японских школ боевых искусств. На основании воспринятых от учителей дзэн неоконфуцианских и буддистских концепций мастера боевых искусств и основатели школ разрабатывали собственную философскую систему, направленную прежде всего, на практическую реализацию философских принципов в практике боевых искусств и на воинском пути в целом. Исследование произведено на основании изучения исторических источников, сочинений мастеров боевых искусств, а также статей и научных работ ведущих специалистов в этой области. В статье продемонстрировано, что на основании понимания категориальной системы «сущность – явление» мастерами и основателями школ японских боевых искусств были разработаны стратегические принципы и тактические приемы, реализующие применение теоретических философских концепций в ежедневной практике и обучении воина. Кроме того, интерес представляет и теоретическое описание данных категорий.

Ключевые слова: Сущность, явление, боевые искусства, японская философия, востоковедение, восточная философия, дзэн, неоконфуцианство, философия боевых искусств, философские категории.

Review: The subject of the research is the philosophy of the Japanese martial arts schools. The article deals with the philosophical category of "essence" and "phenomenon", as the most developed components of the philosophical system of Japanese martial arts schools. On the basis of Zen Neo-Confucian and Buddhist concepts, martial arts masters and founders developed their own philosophical system aimed primarily at the practical implementation of philosophical principles in martial arts and warrior path in general. The research is based on the analysis of historical sources, works of masters of martial arts as well as articles and scientific papers of leading specialists in this field. The author of the article demonstrates that based on the conceptual framework 'essence – phenomenon' the masters and founders of Japanese martial arts schools developed strategic principles and tactics that implied the application of theoretical philosophical concepts to daily practice and training of a soldier. In addition, theoretical description of these categories is also interesting.

Keywords: Philosophy of martial arts, essence, phenomenon, martial arts, Japanese philosophy, orientalism, oriental philosophy, zen, Neo-Confucianism, philosophical categories.

В современном мире философия представляется универсальным феноменом не разделенной на регионы духовной культуры человечества [1, с. 7]. Многие народы мира двигались по своему уникальному пути развития философской мысли, отличному от западноевропейского. Несмотря на различия в развитии западной и восточной философий можно с уверенностью сказать, что общим аспектом является стремление создать стройную структуру философских категорий.

История Японии – это история политического и культурного господства воинского сословия. Содержание японской воинской куль-

туры раскрывается не только в материальных и духовных ценностях, оставшихся от неё, но и в уникальных ответах на философские и экзистенциальные вопросы человечества [2, с. 35]. Японские мыслители и ученые из воинского сословия занимались, прежде всего, осмыслением пути воина, его морально-нравственной составляющей, пониманием сути и происхождения войны [3]. Ни одно сочинение не обходилось без рассмотрения соотношения жизни и смерти в воинской культуре – вопроса, ставшего одним из ключевых в современной культурологии [4]. Путь воина рассматривался как путь сохранения и поддержания мира, путь пресечения насилия. Современный ма-

стер школы Тэнсин Сёдэн Катори Синто рю учитель Отакэ Рисукэ (1926 г.р.) отмечал, что «Серьезные воины и ведущие военачальники прошлого хорошо знали многие другие искусства, помимо тех, которые связаны с убийством других людей. Без своего философского содержания воинские искусства станут не более чем развитием грубой животной силы» [5, с. 172]. Помимо общих вопросов пути война мастерами рассматривались и более сложные философские проблемы, в том числе и философские категории.

В данной статье будет рассмотрено место философских категорий сущность и явление в философии школ боевых искусств. Классическое определение гласит: «Сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия [6, с. 665]; явление – то или иное обнаружение (выражение) предмета, внешней формы его существования». Данное определение не совсем подходит для целей статьи, поэтому применительно к человеку его уточним: сущность – это внутренние, не лежащие на поверхности, скрытые от глаз основополагающие признаки и принципы, определяющие личность человека, его мыслей и устремлений; а явление – это внешнее проявление этих признаков в различных ситуациях.

Источниками для изучения философии школ японских боевых искусств служат сочинения известных мастеров и основателей школ, таких как Ягю Мунэнори, Иидзаса Иэнао, Мусаси Миямото, Уэсиба Морихэй и др. Основным источником для данной статьи послужит сочинение Ягю Мунэнори «Хэйхо кадэн сё» («Книга о семейной традиции искусства фехтования мечом»). Ягю Мунэнори один из известнейших мастеров боевых искусств в истории Японии, он служил в качестве наставника фехтования трём сёгунам династии Токугава: Иэясу, Хидэтада и Иэмицу, а затем был назначен сомэцукэ – главой тайной полиции сёгуната, осуществляющей надзор за деятельностью князей [7, с. 8]. Само слово хэйхо буквально означает «закон войны» или «методы применения оружия (или войск)», однако в данном сочинении Ягю Мунэнори применяет этот термин, прежде всего, к искусству фехтования мечом. В данном случае, я считаю, дело в специфическом японском методе понимания и обучения стратегии.

Безусловно, японская стратегическая мысль базируется на китайской мысли и

на сочинениях известных китайских стратегов. Однако в самом изложении заметны противоположные подходы: если в китайских сочинениях сначала излагается всеобщий принцип, а потом дается или не дается какой-то конкретный исторический пример, то в японской стратегии обучение построено на восхождении от частного к общему, т.е. от обучения приемам фехтования к пониманию общих принципов стратегии. Известный всем мастер фехтования Мусаси Миямото так описывает причину называть искусство фехтования мечом, словом хэйхо: «Помимо этого, существуют отдельные причины называть Путь меча хэйхо. Поскольку достоинства большого меча определяют все в мире и в себе, тати («длинный меч») представляет собой сущностную основу хэйхо. Обретя эти достоинства, можно в одиночку побеждать десятерых. Если же один побеждает десятерых, то сто победят тысячу, а тысяча – десять тысяч» [8, с. 32]. Очевидно такого же мнения придерживался и Ягю Мунэнори, называя искусство фехтования мечом – хэйхо. В первом свитке «Хэйхо кадэн сё», озаглавленном «Синрикё» («Мост подношения туфли») сказано: «Одерживать победу в сражении во главе большой армии и побеждать в поединке в схватке на мечах – в этом не должно быть никакой разницы. Имея ключ к победе в рукопашной схватке, в которой сталкиваются два меча, сможешь одержать победу и в сражении между двумя большими армиями; имея ключ к победе в сражении между двумя большими армиями, сможешь одержать победу и в поединке» [9, с. 32]. Еще раньше основатель школы Тэнсин Сёдэн Катори Синто рю учитель Иидзаса Тёисай Иэнао писал: «Хэйхо («учение о войне») является хэйхо («учение о мире»), и все мужчины должны знать хэйхо («учение о мире»)» [10, с. 229]. Таким образом, практика и обучение боевому искусству выступает в роли особого пути познания окружающего мира.

Прежде чем приступить к рассмотрению и анализу философских взглядов Ягю Мунэнори следует рассмотреть их основу. Ягю Мунэнори был учеником известного дзэнского монаха Такуан Сохо, одного из ярчайших учителей и мыслителей, оставившего глубокий след в истории японской культуры. Исследователи полагают, что именно результатом бесед Ягю Мунэнори с Такуан Сохо стало сочинение «Фудоти синмё року» («Тайное пи-

Историческая культурология и история культуры

сание о непоколебимой мудрости»), другое сочинение Такуан Сохо «Тайаки» («Хроники меча Тайа») было написано для Оно Тадааки, возглавлявшего школу фехтования Итто [11, с. 16]. Сочинения Такуан Сохо показывают его интерес к гносеологическим и натурфилософским аспектам сунской школы неоконфуцианства Чжу Си. В сочинении «Рассуждения о различии между «ри» и «ки» («Ри» «ки» сабэцурон») Такуан рассматривает натурфилософскую концепцию через категории «ри», «ки», «ин» и «ё», «гогё». Такуан писал: «Между Землей и Небом существует нечто, называемое «ри». Производя действие и двигаясь, «ри» превращается в то, что называется «ки». То, что именуется превращением, подобно налетающему на сосну ветру и порождению звука. Если, например, взять воду и волны, то, когда вода двигается, образуются волны» [12, с. 97]. Даже на примере этого отрывка мы видим тождество понятия «ри» понятию «сущность» и тождество понятия «ки» понятию «явление». Т.е. Такуан говорит, что «ри» есть сущность чего-либо, а «ки» есть его проявление во внешнем мире, на примере воды Такуан показывает, что волна есть лишь явление, сущностью которого является движение воды. Японский исследователь Нагата Хироси говорит, что сравнивая «ри» с водой, а «ки» с волнами, Такуан рассматривал «ри» как сущность, что сближало его с неоконфуцианством направления Ван Янмина, где «ки» считалось феноменом «ри», в отличие от чжусианства, для которого был характерен подход к «ри» и «ки», как самостоятельным началам [12, с. 98]. Применительно к человеку Такуан говорил, что «ри» мироздания становится первоприродой человека; первоприрода человека, двигаясь, становится сердцем, вне сердца есть изначальное «ки», которое является изначальным принципом тела и одновременно источником всего плохого в человеке. Таким образом, мы видим, что Такуан говорит о природе человека как единстве материального и духовного. Сердце человека (или по-другому духовное начало) соответствует «ки» мироздания, т.е. человеческий дух – это явление сущности мироздания, поэтому стремление к прозрению и духовному просветлению должно приблизить человека к пониманию сущности мироздания. В противовес этому тело человека является источником страстей и желаний, вызывающих болезни ума. Такуан говорил, что «ри» схватывается только «глазом сердца человека, открывающего в себе в

результате просветления «Закон сердца», а для прозрения в себе в результате просветления божества, пронизывающего человеческое тело, не годятся зафиксированные письменно проповеди и поучения» [12, с. 98]. На практике в классических формах будо (боевого пути) существовал принцип «канн-кэн футацу но кото», выразившийся в том, что воин должен видеть ситуацию, как физическим зрением, так и духовным, или психическим, следует понимать, что смысл у него духовный и отражает видение (кэн) и понимание (кан) своего внутреннего «я» [13, с. 45].

Сочинение Ягю Мунэнори «Хэйхо кадэн сё» состоит из двух частей. Первая часть включает один свиток, оригинальное название которого «Синкагэ-рю хэйхо-но сё» («Книга по искусству фехтования мечом школы Синкагэ-рю»), позднее название «Синрикё» («Мост подношения туфли») этому свитку дал Ягю Мунэнори. Автором первого свитка является основатель школы Синкагэ-рю Камиидзуми Хидэцуна, он вручил свиток своему лучшему ученику Ягю Мунэеси, который, в свою очередь, передал его своему сыну – Ягю Мунэнори. Вторая часть книги состоит из двух свитков написанных Ягю Мунэнори: «Сэцунинто» («Меч, несущий смерть») и «Кацунинкэн» («Меч, дарующий жизнь»).

Камиидзуми Хидэцуна в первом свитке раскрывает суть стратегии в следующей фразе: «Сказано: «Разрабатывают планы (стратегемы) за занавесами и решают победу на расстоянии в тысячу ли». Далее он поясняет, что применительно к искусству фехтования мечом «ты должен считать то, что находится внутри твоей груди (т.е. сознание-сердце – прим. перев.), тем, что находится за занавесами (т.е. полководцем – прим. перев.). Не позволять своему сознанию утратить бдительность даже на мгновение, внимательно наблюдать за движениями и действиями противника, использовать обман, показывая одно, а предпринимая другое (хё-ри), и следить за «скрытой пружиной» (ки) противника (то есть за работой его сознания – прим. перев.) – это и есть «разрабатывать планы за занавесом». Соответственно, внимательно следя за скрытой «скрытой пружиной» (ки) противника, одержать победу на мечах – это и есть «решить победу на расстоянии в тысячу ли» [9, с. 32]. Таким образом, уже в этом отрывке мы видим каким образом понимание категорий «сущность» и «явление» применялось на практике. Главными стратегическими

принципами становятся: 1) умение скрыть сущность своих намерений, контролировать эмоции, скрыть свой дух за занавесами; 2) использовать обман, выдавать кажимое за действительное: «Показывать одно, а замышлять другое (хё-ри) – это основа искусства фехтования мечом» [9, с. 43], маскировать явление и выставлять кажимость; 3) наблюдать за движениями духа противника, выявлять сущность его намерений, раскрывать его обман и проявлять намерения.

Следует отметить, что в философии японских школ боевых искусств понятие «сущность» не всегда соответствует именно понятию «ри», применительно к разным ситуациям в роли сущности могут выступать и другие понятия. Ягю Мунэнори пишет: «Внутреннюю собранность-готовность и сосредоточение ума на чем-то одном называют волей-устремлением («си»). Когда воля-устремление, находящаяся внутри, проявляется вовне, то ее внешнее проявление называют жизненной энергией («ки»). Волю-устремление си можно сравнить с господином, а энергию ки – с его слугой» [9, с. 42].

Ягю не дает этических оценок обману, он говорит, что при помощи обмана выявляют истину, буддисты используют обман (уловку) для того, чтобы вывести ученика на путь истины, священники синто держат что-то в тайне, чтобы пробудить в людях веру, а в военном искусстве правильное применение обмана может привести к бескровной победе. Тактические наставления Ягю Мунэнори изобилуют способами выявления сущности намерений противника и его обмана: ударь по траве, чтобы напугать змею; нападение и выжидание в теле и в мече; настрой при «трех элементах»; следи за переменами цвета, следуй за переменами цвета; подставься под удар, чтобы, приняв удар, победить; три ритма; «малый ритм» против «большого ритма», «большой ритм» против «малого ритма»; знание всей песни; слышать звуки ветра и воды – все это тактические приемы, описанные в книге Ягю Мунэнори, целью которых является выявление сущности намерений противника и маскировка своих. Вся полнота представления Ягю Мунэнори о «сущности» и «явлении» раскрывается в разделе «Великая пружина и великое применение (дайки дайю)»: «У каждой вещи есть «сущность» (тай) и «применение» (ю). Если есть «сущность» (тай), то есть и «применение» (ю), и, значит, есть вещь» [9, с.

93]. В этом высказывании мы практически дословно узнаем правило: «любая сущность является, любое явление сущностно», только с поправкой на разницу в терминологии. Дальше Ягю приводит примеры: «лук – это «сущность», а натягивание его, выпускание стрелы и поражение мишени – всё это его «применения». Лампа – это сущность, а ее свет – это ее «применение». Вода – это «сущность», а увлажнение – это «применение» воды. Цветок сливы – это «сущность», а его аромат и цвет – это его «применения». Меч – это «сущность», а рубящие удары и уколы – это его «применения». Соответственно, «скрытая пружина» (ки) – это «сущность», а ее работа, проявляющаяся вовне, называется ее «применением» [9, с. 93]. Все вышеперечисленные тактические приемы, основанные на выявлении или маскировке сущности являются «применениями» «сущности» скрытой пружины (ки). Что же такое скрытая пружина (ки)? Ягю объясняет, что «скрытая пружина» (ки) – это «жизненная энергия» (ки) с учетом ее места пребывания: «Сознание – это внутренняя комната в доме, а «жизненная энергия» ки – входная дверь в дом. «Скрытая пружина» ки – это стержень, на котором вращается дверь» [9, с. 97]. Ягю называет сознание господином, которому служит «жизненная энергия», понять какво сознание, например, доброе оно или злое, можно только по действиям «скрытой пружины» (ки), которая проявляется вовне и творит либо зло, либо добро. Таким образом, сущность сознания можно понять только по поступкам.

Искусство скрывать свои намерения и выявлять чужие достигло своего расцвета в школах ниндзюу. Суть работы японских ниндзя в основном сводилась к шпионажу, разведке и диверсиям, по этой причине философская концепция, построенная на понимании «сущности» и «явлении», получила широкое практическое применение в различных ситуациях. Многие из этих принципов и методов подробно разобраны в трактате «Записи об истинном ниндзюу» («Сёнинки») Фудзино-иссуйси Масатакэ, написанном в 1681 году. В главе «Как заставить людей сказать то, что у них на уме» сказано: «Хорошо обученный синоби выглядит как очень глупый человек. Это – основной принцип: льстить и хвалить других в максимально возможной степени, чтобы заставить их продолжать рассказывать о [необходимом вам] предмете, к их вящему

Историческая культурология и история культуры

удовольствию. Важно скрывать свои истинные намерения и давать о себе лишь ничего не значащую информацию» [14, с. 103]. Фудзиноиссуйси пишет, что для того, чтобы проникнуть в мысли человека, необходимо отвлечь его, не спрашивать напрямую, так как это заставит его насторожиться и скрыть истину, нужно избегать неестественных тем, подогревать его самолюбие. Искусство шпионажа и маскировки требовало от ниндзя мастерского умения скрывать свою истинную сущность и притворяться совершенно иным человеком. Это заключалась, как в умении правильно переодеваться и изображать рыбака, пахаря или лодочника, но и в умении соответствующе вести себя, когда приходилось изображать воина, монаха или горного аскета. В сочинении «Нинпидэн» («Тайная передача знаний ниндзя»), авторство которого приписывается одному из самых знаменитых ниндзя Японии Хаттори Хандзо, обстоятельно изложены практические советы в сокрытии своей сущности и методах сбора информации. Для того чтобы изображать торговца необходимо обладать товарами, которые пользуются спросом; для того чтобы изображать монаха, необходимо уметь читать сутры, произнести заупокойную молитву или религиозную службу; «чтобы изобразить из себя воина, Вы должны показать, в каком из видов воинских искусств Вы мастер, и стать достаточно похожим на квалифицированного воина – так, чтобы люди сами проявили к Вам интерес и уважение и, таким образом, вы смогли сблизиться с ними» [15, с. 115].

Таким образом, мы видим, что философия японских школ боевых искусств не просто обладала представлением о категориях «сущность» и «явление», но и сами мастера активно применяли свои знания на практике, как в определенных тактических приемах, так и в основе своей стратегии. Мастера японских боевых искусств взяли за основу основные понятия китайской философии и дополнили ее своими уникальными знаниями, основанными как на практическом опыте, смешанном с глубоким уровнем медитативного самопогружения и самопознания, так и на своих собственных теоретических умозаключениях. Данный факт интересен не только как культурный феномен, но и как иллюстрация того, что философия – это наука о всеобщих законах бытия, которая обладает огромной практической важностью и может быть приложена к любому виду деятельности, что наглядно

продемонстрировали известные японские воины и шпионы.

Важно рассмотреть и специфичный способ постижения сущности. Одним из главных условий постижения сущности вещей и намерений, помимо наработки технических навыков во время тренировок, считалось достижение определенного состояния сознания мусин («отсутствия сознания»). В этом отчетливо видно влияние дзэн-буддизма на учения многих мастеров боевых искусств. При этом состояние сознания мусин не было привязано к определенному виду боевых искусств, а было залогом постижения Пути: «сознание человека, постигшего Путь, подобно зеркалу; поскольку в сознании человека, постигшего Путь, ничего нет, оно светло и ясно; пребывая в состоянии «отсутствия сознания» (мусин) оно не упускает ни одной вещи» [9, с. 61]; об этом же написано и в «Сёнинки»: «Когда кто-то находится в состоянии пустоты му, ему всегда легче узнать намерения других. Вот почему очень важно уметь оставить своё эго в стороне. Чтобы хорошо шпионить, очень важно быть совершенно «пустым» [14, с. 103]. Выше уже были приведены слова Такуан Сохо о том, что постижение законов мироздания начинается с постижения своего сердца. Состояния сознания мусин – это результат медитативных дзэнских практик и тренировок. Однако в школах боевых искусств способ достижения мусин отличался от способа дзэнских монахов. Безусловно, воины тоже практиковали сидячую медитацию, но тратить на нее столько же времени как монахи они не могли, поэтому сама практика боевых искусств должна была становиться практикой дзэн. Ягю Мунэнори говорит, что искусство фехтования мечом согласуется с учением Будды и сходно с дзэн, т.к. они отвергают прилипание сознания и его остановку на вещах [9, с. 100]. Смысл в том, что неважно, сколько технических приемов ты изучил или сколько выслушал тайных наставлений о тактике или стратегии, если сознание останавливается на них, то человек проиграет, т.е. истинное знание в человеке это то, которым он может пользоваться не задумываясь, свободно. Это можно сравнить с тем, как Сократ проводил свои знаменитые беседы, в некотором смысле интеллектуальные поединки, с философами и гражданами Афин, Сократ свободно владел своей мудростью и мог в ходе беседы докопаться до сущности вещей,

тогда как другие, тоже слывшие философов, ему в этом уступали.

Остается надеяться, что в рамках данной статьи удалось указать на богатство философии японских школ боевых искусств. Также как были рассмотрены категории «сущность» и «явление» могут быть рассмотрены и другие категории.

Комментарий гл. редактора

Если очень захотеть, то везде можно усмотреть сходство и универсальность. Такой подход позволяет считать, что наша культура самая правильная и более высокая, чем другие. Примерно так и поступает автор этой интересной статьи: он берется показать, что и в японской культуре имеют место европейские философские категории сущности и явления. Однако, на мой взгляд, это не так. Восточное умозрение и мироощущение существенно отличаются от западных. Чтобы в этом убедиться, я сравню западный дискурс, разработанный еще в античности, на основе которого формировалось европейское мышление, с восточным, а также кратко охарактеризую взгляды дзэн-буддизма, оказавшие большое влияние на философию японских школ боевых искусств.

Европейский человек со времен античности и Нового Завета рассуждает, умозаключает, опираясь на отношения *тождества* и *различия*. Он исходит из *твердых оснований*, *начал*, которые выглядят *однородными* и *непротиворечивыми* (истинными). Каждый предмет и явление для европейского сознания *отличны* от других, а их сходство (тождество) или различие может быть установлено только в специальном рассуждении при приведении их обоих к одному основанию. В этом смысле «мир сознания» европейского человека, оформленный в античной философии Платоном и Аристотелем, есть мир явлений, связанных между собой отношениями тождества, различия, непротиворечивости. У восточного человека (индуса, китайца, японца) реальность принципиально иная. Он не устанавливает тождества и различия, не приводит разные явления к непротиворечивым основаниям (т.е. не гомогенизирует бытие), а напротив, ищет аналогии, сходства и подобия между явлениями, которые при этом считает принципиально различными, индивидуальными. Понятно, что эта процедура не менее эффективна, чем та, которую применяет евро-

пеец: любую группу предметов можно организовать как в отношении тождества и различия (т.е. приведения к основаниям), так и в отношении сходства, аналогии, подобия. Поэтому там, где европейское сознание обнаруживает отдельные семейства и ряды тождественных (сводимых друг к другу) явлений (собственно предметов, наук), восточный ум видит длинные цепи аналогичных, сходных явлений, каждое из которых, тем не менее отличается от всех других. И самая длинная цепь аналогий, охватывающая и пронизывающая все, что только можно помыслить, – это сам Бог, единое существо, не имеющее никаких положительных определений, только «не это, не это». Действительно, чем более широкий круг предметов и явлений охватывается аналогией, тем меньше положительных определений остается у качества, общего у всех этих явлений. Наконец, явления самого широкого круга, т.е. всего мыслимого и сознаваемого мира, имеют лишь одно общее свойство – «ничто». Вначале было несуществующее, читаем мы в одном из главных ведических памятников «Брахмане ста тропинок», из него родилось Существоющее, оно само создало себя (произвело творение из себя самого).

Известный истолкователь дзена, Дайсэцу Судзуки говорит, что дзэн несет новый взгляд на жизнь, делая человека собственным господином, приводя его ум в состояние покоя, приводя жизнь человека в абсолютную гармонию с природой. Многие последователи дзэна подчеркивают этот момент обновления внутреннего мира, несущий новое видение и ощущение.

Судзуки пишет, что сущность дзэн-буддизма состоит в том, чтобы научиться по-новому смотреть на жизнь. Нужно оставить все наши обычные умственные привычки. Если нас не удовлетворяет жизнь, мы должны стремиться найти то, что даст нам чувство совершенства и удовольствия. Дзэн предлагает сделать это для нас, утверждая, что жизнь примет более свежий, более глубокий, более удовлетворяющий аспект.

Однако дзэн не был бы дзэном, если бы тут же не вносил поправку в сказанное: оказывается, переворот в человеке должен произойти сам собой, естественно, спонтанно, а не в результате усилий, противоречащих его природе. Нет ничего ошибочнее, пишет другой комментатор дзена Алан Уотс, чем представление о дзэне как о системе самоусовершенствования или способе превращения в Будду. Мастер

Историческая культурология и история культуры

дзен Лин-чи говорил: «Если человек стремится к Будде, этот человек теряет Будду».

Почему же дзен постоянно вносит поправки – «да, да, но... все не так, и ничего нельзя определенно утверждать»? Отчасти это объясняется тем, что все наши утверждения относятся к миру сансары, который суть чистая иллюзия, поэтому ничего определенного о нем утверждать нельзя. Дзен-буддисты считают также, что все наши ценности, различения, мнения, оппозиции, все, что делает высказывания определенными, а мир организованным, – все это обусловлено умом, языком, сознанием, которые принципиально порочны, лживы (в силу подверженности к страданиям и Майе). Таких пороков по меньшей мере три: отождествление факта с представлением о нем (т.е. понятия и вещи), подмена реальности языком, словами, преувеличение роли абстрактного, теоретического мышления.

Вне языка, понятий, символов человек не существует, – сказал бы западный исследователь, но дзен-буддист говорит иначе: вне языка, понятий, символов начинается прямой контакт с реальностью, а реальность – это Чистый Атман, «Я», Природа». В этом состоянии человек не произволен, а естествен, не раздерган, а целостен, он как природа непосредствен, как «Я», мудр и спокоен. Но одновременно ему нечего делать, точнее, он не должен делать ничего, что нарушает его естественное, спонтанное, органичное существование. В «Зернин Кушу» можно встретить такие стихи:

Сиди себе спокойно и ничего не делай.
Весна приходит и трава растет сама собой.
Синие горы – сами по себе синие горы.
Белые облака – сами по себе белые облака.
Сидишь себе и сиди.
Идешь себе и иди.
Главное, не мяться попусту.

С этой установкой на естественность тесно соприкасается и требование не быть специально естественным, не стремиться против своей природы переломить себя, изменить, совершенствовать. Сознание человека не должно быть раздвоено на самосознание и осознание, на «Я» и представление о «Я». Однако если сознание уже расколото, не нужно стараться быть целостным, бороться со своими «задними мыслями». Целостность и единство должны прийти сами собой, а не в результате контроля, борьбы со своей природой, старания не стараться или старания стараться. Если ты пытаешься подавить возник-

шую заднюю мысль, сказал бы дзен-буддист, то сознание окажется расколотым на то, которое подавляется, и то, которое подавляет, и в нем уже не будет места миру. Так что лучше просто поверить, что в сущности никаких задних мыслей нет.

Нетрудно заметить, что идеалом здесь является Природа: ей чужды осознание, контроль, искусственность, она естественна, непосредственна, спонтанна. Поэтому в дзэне так ценится мгновенный (без обдумывания и размышления) ответ; дзен-буддист как бы и не отвечает на вопрос, а претерпевает естественное состояние ответа. На вопрос «Что есть Будда?» – учитель может показать кулак; на вопрос: «Какова основная идея буддизма?» – он может, не дожидаясь конца вопроса воскликнуть: «Цветущая ветка сливы!» или «Кипарис во дворе!». Суть том, чтобы сознание ни на чем не застревало и реагировало мгновенно, не раздумывая над тем, удачен ли ответ.

Самым важным в искусстве фехтования, читаем мы в письме самурая Такуана, как и в самом дзэне, является то, что можно назвать «невмешательством сознания». Если между двумя действиями остается щель толщиной хоть в волосок – это уже задержка... Пусть твоя защита следует за его нападением без малейшего разрыва – тогда не будет двух отдельных действий, известных под именем защиты и нападения. Твоя мгновенная непосредственная реакция приведет к неминуемому самопоражению противника.

Искусство фехтования, как известно, входит на Востоке в группу «военных искусств» (каратэ, кендо, дзю-до, айкидо) и, что важно, все военные искусства используют в качестве своего мировоззрения дзен-буддизм. Помимо этого идеи дзэна широко применяются и в искусстве восточной живописи, и в чайной церемонии, и в разных сферах гражданской и военной жизни (право, мировоззрение воинов и другие). Мастера каратэ, например, утверждают: «Дзэн – это каратэ, дзэн и каратэ – это одно и то же». Встречаясь с подобными утверждениями, невольно недоумеваешь: как может военное искусство, требующее от человека решительности, смелости, желания победить, совпасть с дзэном – учением, исходящим из идей буддизма, одной из которых является идея ненасилия и невмешательства. Однако еще Бодхидхарма, принесший идеи буддизма в Китай, утверждал: Война и убийства несправедливы, но еще более неверно не быть готовым защитить себя.

Секрет широкого обращения военных искусств к дзэн-буддизму в одном отношении прост: практика этого учения ведет к появлению у человека особого самосознания – ощущения и переживания себя Буддой. Но Будда – это одновременно Божество (Брама), Природа и «Я» (Атман), поэтому человек, осознавший и переживающий себя Буддой, получает доступ к силам, которыми обычный человек не располагает. Он ощущает себя Богом, черпает энергию из природы (прану из воздуха, еды, воды, скал, земли, неба), творит бытие. Такой человек спокоен перед лицом опасностей (поскольку Будда вечен), он свободен и могуч (как Брама), он естествен и непосредствен, как природная стихия, произволен и непобедим, как Бог. Известная в каратэ и других военных искусствах формула «союза души и тела» исходит как из этих представлений, так и из общего психотехнического способа достижения в буддизме основной цели (Нирваны). Только здесь этот способ работает иначе: он используется главным

образом не для подавления «частей» человека (желаний, ощущений, эмоций, мыслей), хотя отчасти и это имеет место, а для максимального культивирования (развития) нужных «частей», т.е. тех, которые используются в военных искусствах (ударов, бросков, блоков, концентрации воли и внимания, нечувствительности к боли, силы, скорости и т.п.). Из тех же представлений исходит и формула «чистого (пустого) сознания», таким сознанием обладают только большие мастера военных искусств и живописи. Их поведение, творчество полностью естественно, спонтанно; в ходе единоборства (творчества) их сознание абсолютно подвижно, текуче, свободно, все происходит как бы само собой. Наконец, те же идеи лежат в основании подготовки (обучения) и научения. Центральным здесь является представление о сатори, означающем мгновенное, внеинтеллектуальное просветление, неожиданно приходящее решение.

Вот мое небольшое добавление и комментарий к статье.

Библиография:

1. Кулизаде З. О философской концепции всеединства в свете современной науки // Проблемы восточной философии. 2010. № 1. – С. 7 – 11.
2. Лестев А.Е. Место и роль поэзии в воинской культуре Японии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1. – С. 35-43.
3. Военный канон Японии / Сост. Т. Клири. – М.: ПОСТУМ; СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2015. – 256 с.
4. Меньчиков Г.П. Жизнь как философская категория / Г.П. Меньчиков // Вестник МГУКИ. 2008. №5. – С. 13 – 17.
5. Рейд Г., Кроучер М. Путь воина: Парадокс боевых искусств. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 272 с.
6. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
7. Горбылёв А. Предисловие переводчика / Хэйхо кадэн сё (Книга о семейной традиции искусства фехтования мечом) / Научно-методический сборник «Хидэн» (боевые искусства и рукопашный бой), выпуск 5 / А.М. Горбылёв и др. – М.: А.М. Горбылёв, 2010. – С. 4 – 29.
8. Мусаси М. Книга пяти колец / М. Мусаси и др./ Искусство самурая: книга пяти колец. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 256 с.
9. Ягю М. Хэйхо кадэн сё (Книга о семейной традиции искусства фехтования мечом) / Ягю Мунэнори / Научно-методический сборник «Хидэн» (боевые искусства и рукопашный бой), выпуск 5 / А.М. Горбылёв и др. – М.: А.М. Горбылёв, 2010. – С. 29-172
10. Горбылёв А.М. Ниндзя: боевое искусство. – М.: Яуза : Эксмо, 2010. – 480 с.
11. Мищенко А. А. Предисловие переводчика// Книга Самурая: Такуан Сохо. Письма мастера дзэн мастеру фехтования. Вечерние беседы в храме Токайдзи. Предания о Такуане. Миямото Мусаси. Книга пяти колец. – М-СПб.: Евразия; Книжный Клуб 36.6, 2008. – С. 7-17.
12. Нагата Х. История философской мысли Японии. – М.: Прогресс, 1991. – 416 с.
13. Дрэггер Д. Ф. Классические будо. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 240 с.
14. Фудзиноиссуйси М. Сё:нинки. Записи об истинном ниндзюцу. – Х.: «НТМТ», 2011. – 152 с.
15. Хаттори Х. Нинпидэн. Тайная передача знаний ниндзя. – Х.: «НТМТ», 2013. – 136 с.

References (transliterated):

1. Kulizade Z. O filosofskoi kontseptsii vseedinstva v svete sovremennoi nauki // Problemy vostochnoi filosofii. 2010. № 1. – S. 7 – 11.

Историческая культурология и история культуры

2. Lestev A.E. Mesto i rol' poezii v voinskoi kul'ture Yaponii // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2015. № 1. – S. 35-43.
3. Voennyi kanon Yaponii / Sost. T. Kliri. – M.: POSTUM; SPb.: EVRAZIYa, 2015. – 256 s.
4. Men'chikov G.P. Zhizn' kak filosofskaya kategoriya / G.P. Men'chikov // Vestnik MGUKI. 2008. №5. – S. 13 – 17.
5. Reid G., Kroucher M. Put' voina: Paradoks boevykh iskusstv. – M.: FAIR-PRESS, 2006. – 272 s.
6. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. – M.: Sov. Entsiklopediya, 1983. – 840 s.
7. Gorbylev A. Predislovie perevodchika / Kheikho kaden se (Kniga o semeinoi traditsii iskusstva fekhovaniya mechom) / Nauchno-metodicheskii sbornik «Khiden» (boevye iskusstva i rukopashnyi boi), vypusk 5 / A.M. Gorbylev i dr. – M.: A.M. Gorbylev, 2010. – S. 4 – 29.
8. Musasi M. Kniga pyati kolets / M. Musasi i dr./ Iskusstvo samuraya: kniga pyati kolets. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012. – 256 s.
9. Yagy M. Kheikho kaden se (Kniga o semeinoi traditsii iskusstva fekhovaniya mechom) / Yagy Munenori / Nauchno-metodicheskii sbornik «Khiden» (boevye iskusstva i rukopashnyi boi), vypusk 5 / A.M. Gorbylev i dr. – M.: A.M. Gorbylev, 2010. – S. 29-172
10. Gorbylev A.M. Nindzya: boevoe iskusstvo. – M.: Yauza : Eksmo, 2010. – 480 s.
11. Mishchenko A. A. Predislovie perevodchika// Kniga Samuraya: Takuan Sokho. Pis'ma mastera dzen masteru fekhovaniya. Vechernie besedy v khrame Tokaidzi. Predaniya o Takuane. Miyamoto Musasi. Kniga pyati kolets. – M-SPb.: Evraziya; Knizhnyi Klub 36.6, 2008. – S. 7-17.
12. Nagata Kh. Istoriya filosofskoi mysli Yaponii. – M.: Progress, 1991. – 416 s.
13. Dreger D. F. Klassicheskie budo. – M.: FAIR-PRESS, 2001. – 240 s.
14. Fudzinoissuisi M. Se:ninki. Zapisi ob istinnom nindzyutsu. – Kh.: “NTMT”, 2011. – 152 s.
15. Khattori Kh. Ninpiden. Tainaya peredacha znani nindzya. – Kh.: “NTMT”, 2013. – 136 s.